

ЭО, 2010 г., № 2

© Д.А. Функ

НОВЫЙ АРХИВНЫЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ШОРЦЕВ СЕРЕДИНЫ XX в.*

Ключевые слова: шорцы, фольклор в записях конца 1940-х годов, архивные разыскания

Четверть века тому назад, во время работы над дипломным сочинением о шорском эпосе, мой научный руководитель – в то время старший преподаватель кафедры археологии Кемеровского госуниверситета – В.М. Кимеев, указал мне на одну малоизвестную публикацию, посвященную шорскому фольклору. Это была статья “Устное творчество шорского народа” О.И. Благовещенской, изданная в ученых записках Запорожского пединститута (*Благовещенская* 1952). Сама по себе работа особого интереса не представляла, и если бы речь шла лишь о том, чтобы обратить внимание на некорректное – без ссылок – использование автором текста предисловия Н.П. Дыренковой к книге “Шорский фольклор” (1940) при характеристике основной тематики богатырских поэм, отраженных в них представлений о родовой охотничьей территории, о “материнском роде”, о жестокостях при сборе дани-албана, об имущественном неравенстве, об обрядах (у Благовещенской – “древнешорских” обрядах) побратимства, погребения на деревьях, получения имени героем и т.д., то, наверное, эту публикацию можно было бы и вовсе не упоминать в историографических обзорах.

Но было в этой статье нечто, что все же заставляло обратить на нее внимание, а именно – ссылки на оригинальные, ранее неизвестные шорские эпические тексты, записанные в конце 1940-х годов. Текстов этих шесть: “Алтын-Каан”, “Кузеген-чайзан”, “Каан-Чайзан и Пий-Чайзан” (в статье не было указано ни место и время записи этих трех сказаний, ни фамилии сказителей); “Кёк-Адай” – записан от С.С. Торбокова из улуса Тайлеп в низовьях р. Кондомы; “Кара-Каан” – 31.01.1947 г. от В.М. Кульбизекова в улусе Мыски в низовьях р. Мрас и “Ак-Салгын” – 5.06.1947 г. от В.Я. Кусургашева в улусе Бородино недалеко от Мысков.

Обо всем этом было написано в историографической части дипломной работы (Функ 1984) и практически то же самое (за исключением указания на то, что оригиналы эпических текстов “Каан-Чайзан и Пий-Чайзан” и “Кёк-Адай” удалось-таки найти в архиве шорского сказителя С.С. Торбокова в Горно-Алтайске) было повторено в 2005 г. в книге “Миры шаманов и сказителей” (Функ 2005: 222). Долгое время ни о судьбе остальных текстов, ни в целом о научном творчестве О.И. Благовещенской ничего узнать не удавалось. Ситуация изменилась после телефонного разговора с работниками рукописного отдела Государственного Литературного музея (далее – ГЛМ), состоявшегося 20 марта 2007 г. Поиски Торбоковских рукописей, о которых стало известно из биографии этого сказителя, однажды вкратце записанной алтайским фольклористом Т.С. Тюхтенывым (*Тюхтенов* 1967), в итоге привели к обнаружению не

Дмитрий Анатольевич Функ – доктор исторических наук, заведующий отделом Севера и Сибири Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: d_funk@iea.ras.ru

* Работа выполнена по проекту “Историко-культурное наследие в современной картине мира народов Севера и Сибири” в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Историко-культурное наследие и духовные ценности России”.

только нескольких уникальных самозаписей этого сказителя (Функ 2009), но и неопубликованной рукописи книги “Шорский фольклор”¹, подготовленной в 1951 г. к изданию О.И. Благовещенской.

Отпечатанный через 1,5 интервала машинописный текст объемом 302 страницы, хранящийся в архиве ГЛМ, состоит из обширного предисловия, положенного чуть позже в основу упомянутой выше статьи “Устное творчество шорского народа”, двенадцати текстов на русском языке, снабженных некоторым числом примечаний и сгруппированных в блоки “Героические поэмы” и “Сказки и легенды”, приложения, в которое включены биографические сведения о двух сказителях, а также двух страниц содержания.

Из предисловия к рукописи книги мы узнаем, что Ольга Ивановна Благовещенская в 1947–1948-х гг. работала в Сталинском государственном пединституте (ныне это Кузбасская педагогическая академия в г. Новокузнецке Кемеровской обл.), где и заинтересовалась шорским фольклором. Судя по ее собственному признанию в предисловии и ссылкам в примечаниях на фамилии людей, выполнявших записи на шорском языке и подстрочные переводы на русский, основным ее помощником в сборе фольклора был студент названного пединститута, шорец Петр Александрович Кусургашев. Впрочем, значительную, а если исходить из объема записанных и переведенных текстов, то, пожалуй, бóльшую часть работы выполнил шорский сказитель Степан Семенович Торбоков (1900–1980). Таким образом, пусть и незаметно для самой Благовещенской, в ее распоряжении оказались тексты, представлявшие две различные школы, если не сказать различные эпические “традиции” шорцев – нижнемерасскую (записи от В.М. Кульбизекова, В.Я. Кусургашева, А.И. Сербегешева и Г.И. Шмаркина) и нижнекондомскую (самозаписи С.С. Торбокова).

Неизданные монографии, посвященные тюркам Саяно-Алтая, встречаются в архивных и музейных хранилищах не столь часто и потому, думается, есть смысл охарактеризовать обнаруженную рукопись поподробнее.

Блок “Героические поэмы” включает шесть эпических текстов. Первые два, “Каан-Чайзан и Пий-Чайзан” и “Кёк-Адай”, записаны и переведены сказителем-кайчы² С.С. Торбоковым³. Остальные четыре были записаны и переведены на русский язык П.А. Кусургашевым: сказания “Күзеген-Чайзан” и “Ак-Салгын” записаны от сказителя-ныбакчы⁴ В.Я. Кусургашева, “Алтын-Каан” – от кайчы Г.И. Шмаркина⁵ и “Кара-Каан” – от ныбакчы В.М. Кульбизекова. В оглавлении манускрипта все сказители были названы “кайчи”, в то время как в примечаниях к записанным от них текстам эти указания более точны: В.Я. Кусургашев, в частности, абсолютно точно называется “ныбакчи/сказочник” (Л. 288); по имеющимся у меня сведениям, сказитель Кульбизеков также не был кайчы. Тексты, записанные от сказителей-кайчы Торбокова и Шмаркина, представлены в манускрипте с разбивкой на стихотворные строки, остальные – в виде прозы. Общая архивная пагинация – сплошная (она сделана карандашом в верхнем правом углу страницы во всем тексте), исходная же пагинация дана по отдельности применительно и к каждому тексту, и к относящимся к нему примечаниям.

“Каан-Чайзан и Пий-Чайзан”. Текст объемом 3194 стихотворные строки на 94 м/п страницах (Л. 36–129) и 60 примечаний на семи страницах (Л. 130–136). Девятнадцатой страницы (в исходной пагинации) в манускрипте Благовещенской нет, за 18-й сразу следует 20-я; сквозная же пагинация всего манускрипта при этом не сбивается: 18-я страница текста имеет № 53, а 20-я – 54. Разрыва в тексте нет.

Сказание записано С.С. Торбоковым в “1948 г., в феврале месяце” (Л. 130). Судя по пометкам самого Торбокова на оригинале рукописи, хранящейся в архиве сказителя в Институте алтаистики им. С.С. Суразакова в Горно-Алтайске, этапы работы над этим сказанием могут быть указаны более точно: запись была начата 21 сентября 1947 г., шорский текст закончен 23 февраля, а перевод на русский язык – 26 февраля 1948 г. (АИА. Л. 1 об., 100 об., 101).

“Көк-Адай”. 1845 стихотворных строк на 55 м/п страницах (Л. 137–191). К тексту сделано 58 примечаний (Л. 192–198). В примечаниях указано, что “шорский текст записан Торбоковым 6-го сентября 1948 года” (Л. 192). Как и в случае с предыдущим текстом, наличие оригинала позволяет уточнить эту дату: шорский текст был завершен С.С. Торбоковым 23 ноября, а перевод на русский язык – 6 декабря 1948 г. (в обоих случаях информация приведена на л. 79 шорского и, соответственно, русского текста: АИА).

“Күзеген-Чайзан”. Прозаический перевод на л. 199–206 и 20 примечаний к тексту на л. 207–209. Запись шорского текста и подстрочный перевод этого и следующих трех эпических сказаний выполнены П.А. Кусургашевым. Шорский текст был записан 2 февраля 1948 г. от шестидесятилетнего сказителя-ныакчы Василия Яковлевича Кусургашева в улусе Бородино Мысковского р-на Кемеровской обл. Текст этого сказания публикуется в приложении к данной статье.

“Ак-Салгын”. К прозаическому переводу на л. 210–227 сделаны 34 примечания на Л. 228–230. Сказание записано П.А. Кусургашевым от В.Я. Кусургашева 5 августа 1947 г.⁶

“Алтын-Каан”. 632 стихотворных строки на л. 231–249 и 40 примечаний к тексту на л. 250–254. Сказание записано П.А. Кусургашевым от кайчы Г.И. Шмаркина⁷ 15 июня (а по сведениям из автобиографии сказителя – 15 января) 1947 г. в улусе Бородино. Из автобиографии сказителя, приводимой в конце архивного манускрипта, мы узнаем, что Гавриил Иванович Шмаркин родился в семье охотника летом 1868 г. в улусе Малая Чувашка, в низовьях р. Мрас. Богатый репертуар сказителя, около 70 сказаний, формировался под влиянием творчества таких знаменитых шорских кайчы как Шымчак, Чабак, Түүнек⁸ и Пашке⁹. Кайчы Пашке Шмаркин считал своим первым учителем. Сказитель вспоминает: “Меня еще в то время звали Кичик-Ол, что значит “низкий парень” или “маленький парень”. ПААШКЕ говорил мне: “несмотря на то, что тебя называют Кичиг-Ол, ты будешь хорошим кайчи” (Л. 298). Г.И. Шмаркин стал играть на кай-комусе в 15 лет и к 25 годам стал признанным сказителем. Он участвовал в состязаниях с другими известными кайчы Шории и, по его словам, часто выходил победителем. После Октябрьской революции неоднократно демонстрировал свое искусство на районных олимпиадах народного творчества и получал премии. В 1947 г. 79-летний сказитель работал сторожем в колхозе “Аньчи Шор” в улусе Бородино (Л. 298–299). К этому можно добавить лишь то, что кайчы Кичиг-оол, скончавшийся в 1955 г., считался также шаманом. Его односельчане рассказывали мне, что он камлал без бубна, используя в качестве основного ритуального атрибута заячью лапу (Функ 2005: 259).

“Кара-Каан”. Прозаический перевод на л. 255–273 сопровождается 43 примечаниями (Л. 274–278). Записано П.А. Кусургашевым 31 января 1947 г. от сказителя В.М. Кульбизекова в селе Мыски.

Все включенные в манускрипт О.И. Благовещенской эпические тексты уникальны. Ни один из них не был ранее опубликован, также как не был опубликован до этого ни один полный текст в записи именно от этих четырех сказителей. Каждое из записанных сказаний наполнено множеством интересных сюжетных линий и ярких образов, и о каждом из них могла бы быть, в принципе, написана самостоятельная научная работа.

Обращу внимание лишь на один текст из этого собрания – сказание “Кара-Каан”. Кусургашеву посчастливилось записать уникальный эпос “с хозяином”, известный в воспоминаниях сказителей, с которыми мне приходилось общаться, под названием “Човаш-оолақпа Өкүс-оолақ” (или “Өкүс-оолақпа Мбңүс-оолақ”, или же “Чабыс-оолақпа Мбңүс-оолақ”), т.е. “Низкий (маленький) мальчик и Скромный/Слабый мальчик”. Большая часть сказителей в 1980-е – начале 2000-х годов не знала сюжет этого сказания, а те немногие, кто знал (А.П. Напазаков, например), отказывались его исполнять из-за боязни сделать ошибку.

В этом сказании несколько богатырских дорог. Сначала Кара-Хан при помощи своей всезнающей жены Алтын-Арыг разрешает сразу три сложных ситуации, грозившие смертью либо его отцу, Кёк-Хану, либо его жене, либо в дополнение – суженому сестры его жены. Одну из задач он решает сам (расправляется с Сарыг-Ханом), а две других – с помощью богатыря Кара-Адая, слуги Кёк-Хана, некогда запертого им в черной горе.

Следующая дорога связана с поездкой Кара-Хана на охоту, во время которой он обнаруживает пропажу лося, который жил здесь в течение 60 поколений богатырей, сердится и мчится вслед за неизвестным похитителем. Кара-Хан настигает вора, но тот оказывается гораздо более сильным, и от неминуемой смерти нашего алыпя спасают в последний момент два неизвестных голых мальчика. Затем мальчики съедают мясо лося, чтобы стать богатырями, рассказывают Кара-Хану о том, что они его дети, и после этого все втроем – Кара-Хан на своем коне, а дети на “белых богатырских палках” – возвращаются в стойбище Кара-Хана. По возвращении на стойбище дети получают богатырские имена: старшему дано имя Чабыс-оолак (“Чабыс-Олак”), а младшему – Мёңүс-оолак (“Мёңчус-Олак”). Ездить они должны на белых богатырских палках (так в оригинале; фактически речь должна идти о белых посохах, *aq тайак*) вместо коней.

Дальнейшие события связаны с богатырскими подвигами братьев. Сначала Чабыс-оолак и Мёңүс-оолак добывают себе удивительных жен (Кёк-кыс и Кан-кыс), чудесно рожденных и наделенных, как и мать этих богатырей, способностями к оборотничеству. Затем богатыри решают разыскать Кара-Адая (алпы в мирное время был псом, а при необходимости биться с врагами превращался в богатыря), который после выполнения сложных задач не прекратил своих подвигов, а отправился бороться с другими враждебными богатырями. Алтын-Арыг рассказывает сыновьям, где им искать Кара-Адая, который борется под землей с Чес-өрекен. На семидесятом подземном слое при подходе к медной горе Чабыс-оолак и Мёңүс-оолак встречаются с семьей Шибельдеями, у которых хитростью выведывают их коварные планы и заодно узнают, где же хранится душа Чес-өрекен. Богатыри находят в черном море сундук с семью детенышами выдры, пять из которых убивают сразу, а оставшихся двух зверьков – после того, как доехали до места битвы Кара-Адая с Чес-өрекен.

Возвратившиеся на родину три богатыря застают свое стойбище разрушенным, народ и скот угнанным, а Кара-Хана убитым. Лишь женщинам удалось спастись: Алтын-Арыг улетела, превратившись в золотого гуся, Кёк-кыс – в золотого коршуна, а Кан-кыс – в золотого комара. Настигнув врагов в их земле, младший из могучих братьев, Мёңүс-оолак, одним ударом своего богатырского посоха убивает сначала младшего Хан-Кезера, младшего сына Сарыг-Хана, некогда убитого его отцом, а затем и старшего – старшего Хан-Кезера. Богатыри возвращаются в свою землю, где их встречает мать и обе жены.

В разделе “Сказки и легенды” помещены сказки “Шолбан” в самозаписи С.С. Торбокова, улус Тайлеп, 23 июня 1948 г. (Л. 279–283, примеч. на л. 284) и “Анчи”, запись П.А. Кусургашева от В.Я. Кусургашева в улусе Бородино 21 января 1948 г. (Л. 285–287, примеч. на л. 288), легенда “Аккулун и Кунарыгк”¹⁰, записанная П.А. Кусургашевым от Антона Ивановича Сербегешева в улусе Мыски 22 августа 1947 г. (Л. 289–292 – перевод, разбитый на стихотворные строки, примеч. на л. 293–294), и еще три “легенды” (так обозначила жанр этих текстов сама составительница) «о происхождении слова “шорцы”» (Л. 295). В этих “легендах” этноним шорцы возводится либо к факту использования охотниками особого свистка, называвшегося “шор”, либо к тому, что охотников называли “оор-кижи” (что, якобы, восходит к звукам, издававшимся дикими зверями, “оор” или “оорларга”), а затем стали называть “шор-кижи”, либо, согласно третьей легенде, к тому, что жизнь людей, живших по рекам Томи и Мрассу, была тяжелой и печальной: «эта печальная их жизнь называлась “шор-чадыги”. Шор-

ларга – это означает печалиться. Охотники, живущие этой печальной жизнью, стали называться шор-кижи или шорцы». Судя по содержанию всего манускрипта, составленному самой Благовещенской, одна из этих легенд была записана от уже упомянутого А.И. Сербегешева из улуса Мыски, но какая именно – не указывается. Можно лишь сказать, что это не третья из названных выше легенд, поскольку в отношении нее из более поздних публикаций точно известно, что она принадлежит сказителю С.С. Торбокову.

В приложении к манускрипту даны краткие, но довольно интересные биографические сведения о сказителях С.С. Торбокове (Л. 296–297) и Г.И. Шмаркине (Л. 298–299).

Содержание (Л. 300–301) составлено не только по разделам книги, но и по сказителям: сначала называется фамилия сказителя и лишь затем указываются записанные от него тексты. На втором листе содержания (Л. 301) названы тексты, включенные в раздел “Сказки и легенды”, и здесь мы обнаруживаем, что, кроме сказки “Анчи”, в записи от того же В.Я. Кусургашева, изначально предполагалось опубликовать и “Легенду о Шуне”¹¹: строка эта в содержании вычеркнута, а сам текст этой легенды в архивном манускрипте отсутствует. Причины невключения его в рукопись не называются.

Отсутствие в обнаруженном манускрипте шорских оригиналов существенно снижает научную ценность готовившихся О.И. Благовещенской текстов. Насколько значительным было вторжение редактора в оригинал? Сама Благовещенская писала в предисловии: “При переводе шорского фольклора на русский язык мы стремились дать перевод русским литературным языком с наиболее полной передачей содержания и национального колорита.

Мы прежде всего добивались полного соответствия перевода с текстом при переводе эпитетов, сравнений, противопоставлений, особых характерных выражений, поговорок и т.п.” (Л. 35).

Однако известно, что не только все записи на шорском языке, но и все подстрочники были выполнены для О.И. Благовещенской ее помощниками-шорцами, поскольку сама Ольга Ивановна шорским не владела. Наличие оригиналов позволило бы точнее определить степень этого вторжения, или “перевода русским литературным языком”, как О.И. Благовещенская сама определяла свою работу с фольклорными текстами. Исключения составляют лишь два эпических сказания, по просьбе Благовещенской записанные сказителем Степаном Семеновичем Торбоковым. Оба текста, “Каан-Чайзан и Пий-Чайзан” (Л. 36–136 в архивном манускрипте) и “Кок-Адай” (Л. 137–198), которые, как упомянуто выше, были обнаружены в архиве Института алтаистики Республики Алтай в г. Горно-Алтайске, как обычно в самозаписях Торбокова, снабжены его собственным подстрочным переводом на русский язык. Используя эти записи, можно попытаться определить, насколько шорские оригиналы и подстрочники соотносятся с текстами, которые собиралась издать в своей обработке О.И. Благовещенская.

Сравнительному текстологическому анализу подстрочников С.С. Торбокова с их литературной обработкой в дальнейшем могла бы быть посвящена самостоятельная филологическая работа. Здесь же я позволю себе ограничиться разбором лишь зачина сказания “Каан-Чайзан и Пий-Чайзан” для демонстрации некоторых особенностей обработки Торбоковской самозаписи. Ниже слева приведены первые 44 строки из манускрипта О.И. Благовещенской (Л. 36–37), а справа соответствующие им 36 строк, составляющие первую страницу рукописи подстрочника С.С. Торбокова. Нумерация строк в обоих случаях введена мною; орфография и пунктуация соответствуют оригиналу.

Отчетливо видна не только грамматическая и стилистическая правка (которую вряд ли надо определять как “литературную обработку”) оригинала, но также отступление от оригинала в части разбивки текста на строки (второй строке Торбокова соответствуют вторая и третья строки у Благовещенской, третьей – четвертая и пятая, ше-

стой – десятая и одиннадцатая, восемнадцатой – двадцать пятая и двадцать шестая, а девятнадцатой – двадцать седьмая и двадцать восьмая) и – в ряде случаев – в последовательности строк: например, строка о деревьях, покрывающихся листвой, у Торбокова идет непосредственно вслед за строкой о синем соловье, строки шестая и седьмая, а у Благовещенской – в обратном порядке, строки 10–11 и девять.

<ol style="list-style-type: none"> 1. Давным-давно это было ... 2. Много времени с тех пор прошло, 3. Много воды утекло 4. Это было старого поколения позже, 5. Это было нашего поколения раньше. 6. Это было при начале Земли и Света, 7. Когда только земля зарождалась, 8. Когда только земля травой покрывалась, 9. Когда деревья, растрескиваясь, листвой одевались, 10. Когда синий соловей, впервые запевая, 11. Красоту природы оживил. 12. Вот, как давно это было. 13. Там, откуда прекрасное солнце восходит, 14. Красуясь рядами белоскалые горы возвышались. 15. Качаясь, волнуясь, белое море шумело. 16. У берега волнующегося белого моря 17. Народы, платящие албан проживали. 18. У подножия красивых скалистых гор 19. Огромные стада паслись, 20. С бесчисленных разношерстным скотом. 21. У бесконечно большого стойбища 22. Невозможно сосчитать народов, 23. На разных языках говорящих. 24. В этом большом стойбище, 25. Если с одного конца посмотреть - 26. Другого конца не видеть; 27. Если с одного края посмотреть - 28. Другого края не видеть. 29. В середине пасущихся стад, 30. В середине народа, платящего албан, 31. У берега белого моря, на зеленом лугу, 32. На шести подставках поставленный 33. Дворец Алтын-Орге возвышался. 34. Золотой дворец, как осенний лед блестел, 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Давным давно очень давно это было 2. Очень много время прошло и много воды утекло. 3. После давних колен, перед наших колен 4. Земля создавалась основывалась 5. Земля создаваясь растрескивалась 6. Синий соловей запевая красоту природу оживал 7. Леса растрескиваясь листьями зарастали 8. Откуда прекрасное солнца восходит 9. Качаясь, волнуясь Белое море текло 10. Красуясь, рядами белоскалые горы вырастали 11. У берега качаясь волнуясь текущего Белого моря 12. Ясашный народы проживал 13. У подошвы красивых скалистых гор 14. Как [неразборчиво и зачеркнуто. – Д.Ф.] скота паслось 15. У бесчисленного скота шерсти не различает 16. У бесконечного улуса язык не различает 17. У видимо, невидимо улуса 18. С одного конца посмотришь, другого конца невидно, 19. С одного края посмотришь, другого края невидно. 20. В середине живущего улуса 21. И пасящего скота 22. На шести ногах поставленный 23. У берега Белого моря на широком лугу 24. Золотой дворец возвышался 25. Золотой дворец как осенний лет блестит
--	---

35. Как весенний лед сиял.	26. Как весенний лед сияет
36. Внутри дворец серебром покрыт,	27. Внутри дворца серебром покрашен
37. Снаружи дворец золотом покрыт.	28. С наружи дворец золотом обвит
	29. Вот такой золотой дворец стоит.
38. Около золотого дворца, у золотого крыльца,	30. У золотого Дворца у золотого крыльца
39. Стояла шестиугольная золотая коновязь	31. Коню не выдернуть шести коленный
	32. Золотой коновязь стоит
40. Высотою до царь-неба.	
41. У золотой коновязи, красуясь и фыркая,	33. У золотого коновязя красуясь и фыркая
42. Богатырские кони стояли: Каан-Кулат и Пий-Кулат.	34. Богатырские кони: Кан-Кулат и Пий-Кулат привязаны
43. Из пестрых глаз коней искры летели,	35. От пестрых глаз искры летят
44. Из ноздрей белая пена рекой текла.	36. От ноздри белая пена как река льется

Есть в обработке О.И. Благовещенской пропуски отдельных словосочетаний и целых строк, но при этом есть собственные вставки, как на уровне слов, так и целых строк, отсутствующие в Торбоковском оригинале. Например, в строке 39 “Стояла шестиугольная золотая коновязь” манускрипта Благовещенской оказалось потеряно указание на то, что эта коновязь так прочно укреплена в земле, что ее не под силу было выдернуть коню (31. “Коню не выдернуть шести коленный” / 32. “Золотой коновязь стоит”); важное для характеристики этого сакрального и функционально весьма значимого предмета указание на шестиколленность (*алты үйеллиг* – это устойчивое словосочетание в шорском эпосе при характеристике коновязи) было принципиально ошибочно заменено прилагательным “шестиугольный”; и в довершение литературной обработки добавлена строка 40 “Высотою до царь-неба”, которой нет у Торбокова ни в подстрочнике, ни в шорском оригинале.

В отношении строки 14 из подстрочника Торбокова, в которой мне не удалось прочитать несколько слов, и которой соответствует строка 19 (“Огромные стада паслись”) у Благовещенской, также была допущена неточность, поскольку в шорском оригинале четко читается “Ак сиргече мал чайылып турганы”, т.е. буквально “Словно белые вши [так много его было], скот расстился [расстилаясь, стоял]”. Уподобление обилия скота вшам также относится к традиционному образу в эпике тюрков Саяно-Алтая и потому отказ от его использования в русском тексте вряд ли следует относить к плюсам перевода.

В некоторых строках отчетливо видно влияние поэтически весьма добротных переводов с шорского новосибирского поэта А.И. Смердова, опубликованных им в книге “Ай-Толай”. В частности, это относится к строке шесть в тексте О.И. Благовещенской (“Это было при начале Земли и Света”), отсутствующей и в подстрочнике и в шорском оригинале самозаписи Торбокова, но явно имеющей прообраз в стихах А.И. Смердова: “Задолго до нас протекало это. / В первое время Земли и Света” (Ай-Толай 1948: 31).

Вообще следует заметить, что обработка подстрочника без сверки его с шорским оригиналом оказывается делом достаточно неблагодарным, особенно если речь идет не о действительно литературной обработке, как у А.И. Смердова, а об обычной редактуре/корректуре языка подстрочника, осложненной лишь изъятием из текста образцов, привычных в данной аборигенной культуре, но не устраивающих редактора, и введением неких собственных прочтений и “дополнений”. К тому же, и это еще более осложняет работу, подстрочник С.С. Торбокова, при всей его точности и поэтической образности, сам по себе не всегда и отнюдь не полностью соответствовал его же собственному шорскому тексту.

Примечания, которыми О.И. Благовещенская снабдила практически все тексты, готовившиеся ею к изданию, в большинстве случаев ограничиваются “пере-

водами” на русский язык имён персонажей сказания (так, из 60 примечаний к сказанию “Каан-Чайзан и Пий-Чайзан” 27 – это “переводы” имен персонажей), хотя порой встречаются попытки пояснить некоторые требующие комментариев фразеологические обороты и реалии/термины, упоминаемые и используемые в тексте. К сожалению, как “переводы” имен, так и иные примечания с точки зрения этнографии (даже на уровне начала 1950-х годов) в большинстве своем выглядят довольно наивными.

В значительной мере направление “комментариев” Благовещенской было задано как уже упомянутым поэтическим сборником шорского эпоса, изданным ранее А.И. Смердовым (здесь примечания к текстам в целом выглядят примерно так же), так и примечаниями к своим же самозаписям самого С.С. Торбокова.

Так, примечание О.И. Благовещенской под № 7 к введенной ею самой в текст перевода строке (40 “Высотой до царь-неба”) в сказании “Каан-Чайзан и Пий-Чайзан” (Л. 131):

“Царь-неба. /Каан-тегри/. По древнему представлению шорцев небо и земля состояли из многих слоев: так, небо состояло из 60 слоев – небес. На самом последнем, шестидесятом небе жил светлый дух Ульгень. В шестидесятое небо, где жил Ульгень, мог подняться шаман после первого крика кукушки /первое восхождение шамана к Ульгению/.

Представление о многослойном небе и многоступенчатом подземном мире, по мнению Н.П. Дыренковой, заимствован(о) из шаманской космологии (Дыренкова 1940)”

местами, как нетрудно убедиться, дословно повторяет примечание А.И. Смердова к сказанию “Казыр-Тоо” (Ай-Толай 1948: 217):

“До шестидесятого таама земли Кара-Кылыш опустился”. Выше говорилось, что по древнему представлению шорцев небо (тегри) и земля состоят из многих слоев, ступеней. В данном случае речь идет о слоях и ступенях подземного мира, что и обозначается словом таам, которого в современном шорском языке нет. Представление о многослойном небе и многоступенчатом подземном мире заимствовано из шаманской космологии. (См.: Дыренкова 1940).

Примечание О.И. Благовещенской под № 39 к тому же сказанию (Л. 135):

“Трехглазая стрела. В древнее время шорцы употребляли стрелы с костяными наконечниками, в костяных наконечниках были сделаны отверстия, которые назывались “глазами”. Такие стрелы при полете звенели и свистели /о свистящих стрелах имеются сведения в шорском словаре ВЕРБИЦКОГО и в “Могильнике Кудурге на Алтае”. С. РУДЧЕНКО [так в оригинале. – Д.Ф.] и А. ГЛУХОВ из “Материалов по этнографии, Гос. Рус. Музей, 1927 г.”.

практически слово в слово оказывается заимствованным из книги переводов Смердова (Ай-Толай 1948: 211):

“Десятиглазая стрела”. Древние шорцы употребляли стрелы, в костяных наконечниках которых устраивалось несколько отверстий, называвшихся “глазами”. При полете стрела свистела, звенела. См. о свистящих стрелах в словаре Вербицкого, а также С. Руденко и А. Глухов, “Могильник Кудурге на Алтае” (Материалы по этнографии, Гос. Рус. Музей, 1927 г.)”.

Дословные “повторы” обнаруживаются в примечаниях к терминам “море”, “албан” (Л. 130 у Благовещенской и с. 211 у Смердова) и многим другим.

Легко выявляются такого рода повторы и при сличении примечаний в самозаписи Торбокова и в “литературной обработке” сказания “Каан-Чайзан и Пий-Чайзан” О.И. Благовещенской. Вот лишь пара из них:

– примечание № 38 у Благовещенской:

“ЧЕС-ОБА. Чес – медный, оба – неперебиваемое слово. Чес-оба по смыслу означает медный дворец подземного царства” (Л. 135)

совпадает с примечанием самого Торбокова в его рукописи:

“Чес-оба – слово не переводится. Подразумевается подземный медный дворец” (АИА. ФМ. № 55е. Л. 26)¹²;

– примечание № 54 у Благовещенской:

“КОРНЕ – свадебный подарок. Во время тоя жених дарит близким родным мануфактуру” (Л. 136)

соответствует примечанию Торбокова на Л. 84 его рукописного текста:

“Корне – подарок. Вовремя байги жених близких своих род<н>ю должен был <о>дарить отрезом мануфактуры или другими промтоварами”¹³.

Отсылки к книге переводов А.И. Смердова “Ай-Толай”, также как и указание на использование устных сообщений или письменных комментариев С.С. Торбокова при составлении тех или иных примечаний, в рукописи О.И. Благовещенской отсутствуют.

Обнаружены также случаи, когда примечания сказителя не использовались О.И. Благовещенской. Так, в подстрочнике Торбокова к строкам “Проходящих месяцев по шести узнавал, / Проходящие годы по семи узнавал” (Л. 75) было сделано следующее примечание: “Первый четверть луны считали шесть. Седьмой месяц – перевал года во вторую половину”. В тексте под редакцией Благовещенской эти две строки даны как “Проходящие месяцы по луне узнавали, / Проходящие годы по луне считали” (Л. 107). Соответственно, необходимость в объяснениях счисления времени шестерками и семерками отпала.

Кратко резюмируя сказанное, можно уверенно говорить о том, что в случае с самозаписями Торбокова (два эпических сказания и одна сказка), составляющими две трети всей рукописи книги “Шорский фольклор”, наиболее разумным было бы издание шорских оригиналов с их научным переводом и соответствующими комментариями и примечаниями, а не довольно слабых с литературной точки зрения обработок и вторичных, по большей части непрофессиональных, комментариев О.И. Благовещенской. Возможно, оставшуюся согну страниц манускрипта книги “Шорский фольклор” имело бы смысл издать в том виде, как эти тексты были подготовлены самой Ольгой Ивановной Благовещенской, поскольку надежды на обнаружение шорских оригиналов почти нет. Разумеется, при этом публикуемые тексты обязательно надо будет отредактировать (потребуется исправление орфографии, пунктуации, а в ряде случаев и стиля), а также снабдить их и особенно примечания дополнительными пояснениями с позиций наших сегодняшних знаний о шорской культуре. Впрочем, возможны и иные варианты.

Решение вопроса об издании обнаруженного манускрипта – неважно, в полном виде или же частично, – точнее, о принципах его редакционной подготовки, может затянуться. И именно поэтому с целью введения в научный оборот хотя бы части неизвестного ранее фольклорного материала с любезного разрешения дирекции ГЛМ здесь публикуется одно эпическое сказание из архивной рукописи О.И. Благовещенской. Текст приводится в оригинальном виде, за исключением минимально необходимой орфографической (в частности, вместо *итти* в данной публикации используется форма *идти*, вместо *много-ли*, *мало-ли* – много ли, мало ли, вместо *стекляный* всюду пишется *стеклянный* и т.п.) и пунктуационной правки. Часть пропущенных букв и требующихся для лучшего понимания смысла слов вставлены в угловых скобках. Вместо верхних кавычек, использованных в машинописном тексте для обозначения твердого знака, используется буква “ь”. Все примечания, введенные мною в дополнение к комментариям О.И. Благовещенской, заключены в квадратные скобки.

Примечания

¹ Полное наименование рукописи, вынесенное на титульный лист, – “Шорский фольклор (Богатырские поэмы, сказки и легенды). Перевод с шорского, вступительная статья и примечания О. Благовещенской”. Машинописный текст зарегистрирован в архиве Государственного Литературного музея, Инв. № 419. Ед. хр. 8.

² Сказитель, исполняющий эпос горловым пением-кай и аккомпанирующий себе на музыкальном инструменте, *кай-комус*; обычная манера исполнения героического эпоса у шорцев, также как и у хакасов, включала обязательное чередование пропетой части сказания с ее пересказом.

³ О С.С. Торбокове см. также: Функ 2005: 227–233; Слово о Торбокове 2008; Функ 2010.

⁴ Сказитель, исполняющий эпос в прозиметрической форме (более или менее ритмизованная проза).

⁵ О Г.И. Шмаркине см.: Функ 2005: 259, 387, 398; а также ниже в данной статье.

⁶ В статье О.И. Благовещенской датой записи этого сказания названо 5.06.1947 г.

⁷ В архивном тексте опечатка – “Шмарнин”.

⁸ По моим полевым материалам, так звали знаменитого кайчы Түўнека Напазакова, жившего в улусе Сосновая Гора (Тоз) в низовьях р. Мрас.

⁹ Жил в 1830–1920-х годах в улусе Сибиргинском в низовьях р. Мрас. Кайчы Пашке (Кузьмин Павел Тихонович) – один из самых знаменитых шорских сказителей в низовьях р. Мрас второй половины XIX – начала XX в. В 1861 г. именно от него, тогда еще молодого кайчы, производил запись текстов Вильгельм Радлов. К нему, как к первому исполнителю, возводили некоторые современные (в 1980-х годах) сказители те или иные эпические сказания. С ним связаны различного рода легендарные рассказы.

Надо заметить, что сейчас – у людей, не знавших его лично – это имя трансформировалось и приобрело более поэтическую форму “Кай Чывашке” (в воспоминаниях кайчы В.Е. Таннагашева) и именно в таком виде (Кай Чувашка) уже попало на страницы научных изданий (Арбачакова 1996: 70–73).

¹⁰ Точнее было бы: “Ак-Кулун и Кўн-Арыг”.

¹¹ Это известный легендарный (и исторический) персонаж на Саяно-Алтае. См. шорские и телеутские тексты о Шуне (Девять бубнов ... 1989: 102–116, 137–139; Телеутский фольклор 2004: 45–47).

¹² Попутно можно заметить, что слово *оба* или *ома* в шорском языке еще не так давно было известно старикам, которые понимали под ним “памятник” или в целом некое одноэтажное сооружение, связанное с погребально-поминальной обрядностью, типа среднеазиатского мазара (так представлял его себе, например, шорский сказитель В.Е. Таннагашев). В принципе, с этим согласуется мнение составителей словарика устаревшей шорской лексики – А.В. Есиповой и Л.Н. Арбачаковой, согласно которому слово *омаа* следует переводить как “курган” или “могильный холм” (*baggow*) (Есипова, Арбачакова 2006: 37). В других тюркских языках Саяно-Алтая, а также у бурят и монголов *оба*, *оваа* – это жертвенник, обычно насыпаемый из кучи камней на горных перевалах; традиция их возведения сохраняется у некоторых народов Азии до настоящего времени.

¹³ В данном случае проблема состоит еще и в том, что Торбоков в подавляющем большинстве своих самозаписей не использовал умляути и вместо *ö* и *ü* писал *o* и *u*, что существенно затрудняет обработку этих текстов. Слово “корне” относится к числу таких неточностей: по моим полевым материалам, и в шорском, и в телеутском (см. также: ТОС: 46 “подарок (невесте)”) языках это слово звучит как *кõрнõ*, реже – *кõрне*, и означает “подарки жениха невесте и ее родственникам во время свадьбы”. В словарях шорского языка это слово ранее не фиксировалось.

Приложение

Текст сказания “Күзеген-Чайзан” из архивной рукописи “Шорский фольклор (Богатырские поэмы, сказки и легенды). Перевод с шорского, вступительная статья и примечания О. Благовещенской” (1951 г.) // АГЛМ. Инв. № 419. Ед. хр. 8. Л. 199–209.

(Л. 199)

“Күзеген-Чайзан”¹

Давным-давно это было –
Нашего поколения раньше,
Старого поколения позже.
Это было тогда, когда зарождалась земля,
Когда вода ковшами делилась,
Когда земля лопатой делилась²,
Когда только что солнце всходило,
Вот, как давно это было.

На берегу бело-зеркального моря³ высокая стеклянная гора стояла. Ее вершина небо подпирала. У подножия стеклянной горы, на берегу бело-зеркального моря, среди бесчисленных пасущихся стад, среди бесчисленного множества народа, говорящего на разных языках и албан⁴ ханам платящего, хрустальный дворец стоял. Перед хрустальным дворцом солнечно-желтый конь стоял, привязанный к золотой конюязи.

В этом хрустальном дворце ненавидящие народу ханы жили, жестокие братья Каан-Кезеры⁵. От жестоких ханов не было жизни ни людям, ни птицам, ни зверям. Не было жизни и бело-зеркальному морю. Каждый день жестокие ханы убивали людей, которые албан платить не могли. Каждый день жестокие ханы своими железными бичами били ни в чем неповинное бело-зеркальное море.

Недалеко от хрустального дворца проживал бедный охотник по имени Ак-Сагал⁶. Бедный охотник в своей жизни был рад только два раза. Первый раз Ак-Сагал обрадовался, когда у него дочь родилась. Второй раз Ак-Сагал обрадовался, когда у него сын родился. Остальные дни его жизни были мрачнее темной ночи. Всю жизнь Ак-Сагал боялся гнева кровожадных ханов, двух братьев Каан-Кезеры, но еще больше бедный охотник бояться ханов стал, когда его дочь выросла и красавицей стала. Бедный охотник знал, что ханы красавиц к себе уво- (*Л. 200*) зили. Так и дочь его, красавица, Ак-Кёжеге⁷ могла в наложницы к ханам попасть.

Однажды дочь Ак-Сагала, красавица Ак-Кёжеге, перед родной юртой⁸ сидела и песню о народном горе пела. Она пела о том, как жестокие ханы ни в чем неповинный народ убивают, как красавиц, дочерей бедняков, похищают.

Мимо юрты охотника Ак-Сагала кровожадные братья Каан-Кезеры проезжали и песню дочери охотника слышали, ханы разгневались, девушку наказать захотели. К юрте бедняка подъехали и девушку увидели. Красота девушки ханов поразила, обоим красавица приглянулась, обоим ханам кровь зажгла.

На другой день братья Каан-Кезеры к себе охотника Ак-Сагала позвали и грозно ему сказали:

– Отдай нам свою дочь, мы дадим тебе быстрых, как ветер, коней, а если нам дочь не отдашь, то ты белого света никогда больше не увидишь, в темнице сгниешь, а дочь твою все-равно мы к себе возьмем, а сына твоего, малолетнего, на съедение псам бросим.

Бедный охотник ничего ханам не сказал. Ханы Ак-Сагала на один день домой отпустили. Ак-Сагал еле-еле к вечеру до своей юрты дошел. От горя сгорбил, совсем стариком стал. Не успел Ак-Сагал семье о горе сказать, как в юрту слуги хана ворвались, красавицу Ак-Кёжеге схватили, крепко к спине коня привязали, затем Ак-Сагала схватили, руки скрутили, к спине коня привязали. Жену Ак-Сагала Ак-Кёзнек⁹ и малолетнего сына связали и в телегу бросили. Ак-Сагала и Ак-Кёжеге слуги к ханам привезли. Ак-Кёзнек и ее грудного сына слуги по дороге с телеги сбросили.

Бедная Ак-Кёзнек не знала, что ей делать, куда ей идти. Подумав хорошенько, она решила пойти к брату мужа, к бедному охотнику Ак-Салгыну¹⁰, который через два ночлега жил. На третий день усталая, голодная Ак-Кёзнек с сыном до юрты Ак-Салгына кое-как дошла. Ак-Салгын Ак-Кёзнек и ее сыну приют в своей юрте дал, о брате своем горькие слезы проливал, о брате своем тосковал. (*Л. 201*)

Много ли, мало ли Ак-Кёзнек с сыном в юрте Ак-Салгына жили. Сын Ак-Кёзнек быстро расти стал. Глядя на него, старые люди говорили:

– Из него настоящий богатырь будет. Он нас от кровожадных ханов избавит и солнце стране гор возвратит.

Однажды Ак-Кёзнек сыну сказала:

– У козы своя шерсть есть, человеческое дитя имя должно иметь¹¹. Возьми чашу с айраном, в зеленую долину беги и жди духа, который даст тебе имя.

Мальчик чашу с айраном в руки взял, в зеленую долину убежал¹² и, как гром, закричал:

– Кто хочет мне дать имя, пусть придет ко мне, кто не хочет мне имени давать, пусть не приходит ко мне. Два дня мальчик духа ждал. На третий день к мальчику старичок, с белой бородой, подошел. В руках у старичка был пестрый камышовый посох. Старичок в руки чашу с айраном взял, весь айран до дна выпил и у мальчика спросил:

– Хорошо ли будет если я тебе имя дам?

На это мальчик ответил:

– Ты много жил, старик, ты много видел, старик, ты можешь дать мне настоящее имя.

Старик сказал:

– Если имя давать, то надо настоящее имя давать, а если дать ненастоящее имя, то пусть его ветер унесет. Имя твое будет – Күзеген-Чайзан, ездящий на солнечно-желтом коне. Но чтобы ездить на солнечно-желтом коне, ты должен его отвоевать у кровожадных братьев Каан-Кезеры. Братья Каан-Кезеры до сих пор на солнечно-желтого коня сесть не могут. На этого коня можешь сесть только ты. Тебе суждено могучим богатырем быть, за сестру и отца отомстить. Тебе суждено прекрасное солнце родной земле вернуть.

Сказав это, старик в паука превратился и по паутин(к)е в синее небо поднялся. (Л. 202)

Получив имя, мальчик вернулся в юрту Ак-Салгына. Имя свое сказал. Ак-Салгын мальчика на девять дней спать уложил, чтобы имя лучше к нему пристало.

Как только мальчик лег спать, я, старый кайчи¹³, на стойбище братьев Каан-Кезеры пересел и узнал все, что там произошло. А произошло вот что. Как только слуги к ханам красавицу Ак-Көжеге и ее отца привезли, ханы приказали отца бросить в темницу, а девушку, дочь Ак-Сагала, красавицу Ак-Көжеге, в хрустальном дворце поместить.

Красавица Ак-Көжеге не могла пережить горе отца и матери, не могла вынести позора, какой ее впереди ожидал. Она горела ненавистью к кровожадным ханам Каан-Кезеры. Через стены хрустального дворца она увидела огромные острые скалы на берегу бело-зеркального моря. Ища смерти, девушка подошла к окну, раскрыла его и бросилась на острые скалы вниз головой. Но она не на острые скалы упала, а в бело-зеркальное море. В это время по морю в выдолбленной лодке¹⁴ плыл богатырь Ак-Кан¹⁵. Он спас девушку, в свой дворец ее привез и на ней женился.

Кровожадные братья Каан-Кезеры, узнав о гибели красавицы Ак-Көжеге, еще больше на Ак-Сагала разгневались и приказали бросить его на острые скалы. Слуги ханов бедного охотника на острые скалы бросили. Люди, видевшие смерть бедного Ак-Сагала, плакали. Птицы, видевшие смерть старого Ак-Сагала, жалобно пели. Солнце мутное стало, казалось, оно тоже плакало вместе с людьми, жалея ни в чем неповинного Ак-Сагала.

В это время в юрте старого охотника Ак-Салгына мальчик Күзеген-Чайзан проснулся и услышал жалобное пение птиц, увидел, что много собравшихся людей вместе с матерью и Ак-Салгыном плачут. Мальчик спросил:

– Что случилось, отчего вы все плачете?

Старый Ак-Салгын ответил:

– По пению птиц я знаю, что умер близкий нам человек, а сердце мне говорит, что моего любимого брата на свете нет.

Сердце Күзеген-Чайзана сжалось в комок, глаза кровью на- (Л. 203) лились, от гнева весь он, как гора, раздулся, как море, разволновался. Из юрты Күзеген-Чайзан выбежал, быстрее ветра к хрустальному дворцу кровожадных братьев Каан-Кезеры побежал. Леса перед ним расступались, трава и кустарники по земле расстились. Но Күзеген-Чайзан не успел добежать до хрустального дворца, как был схвачен слугами ханов и брошен в темницу.

По всему белому свету черный туман стал расстилаться, такой черный туман, что днем солнца не видно, ночью луны не видно. Затем сильный ветер подул, вихрь по всей земле поднялся.

Народные мудрецы сказали:

– Наверно богатырь умирает, которому было суждено сделать нашу жизнь счастливой, которому было суждено возвратить солнце стране гор.

Однажды братья Каан-Кезеры по случаю женитьбы младшего Каан-Кезера всех могучих богатырей на байгу¹⁶ создали. Со всего белого света могучие богатыри съехались, со всего белого света лучшие кони на байгу сбежались. Братья Каан-Кезеры бега устраивали, богатый той справляли. В состязании коней младший брат Каан-Кезеры не мог принять участия: сколько он ни бился, а сесть на солнечно-желтого коня не мог. Конь копытами бил, в воздухе перевертывался, седока с себя сбрасывал.

Видя это, один из мудрых стариков предложил ханам выпустить из темницы Күзегена-Чайзана, чтобы он солнечно-желтого коня усмирил. Ханы приказали Күзегена-Чайзана из темницы выпустить. К удивлению богатырей и всех собравшихся людей Күзеген-Чайзан на солнечно-желтого коня сел. Солнечно-желтый конь всех коней перегнал, в байге победителем вышел. Но когда байга кончилась, и люди по своим стойбищам разъехались, Күзегена-Чайзана снова в темницу бросили. Много времени Күзеген-Чайзан в темнице томился. Ловкость, сила, красота Күзеген-Чайзана покорили сердце ханской дочери, и она тайком в темницу к Күзеген-Чайзану приходила и лучшие кушанья ему приносила. Солнечно-желтый конь, привязанный к золотой конювязи, ждал, тосковал, томился и ждал прекрасного седока.

Однажды, когда все слуги кровожадных ханов спали, когда все кругом было тихо, Күзеген-Чайзан решил из темницы бежать. (Л. 204)

Своими могучими богатырскими руками он сорвал решетки своей темницы и выпрыгнул вниз, затем, как коршун¹⁷, вскочил на солнечно-желтого коня, как летучая мышь, к гриве коня приник¹⁸ и, как ветер, помчался, сам не зная куда.

Много-ли, мало-ли Күзеген-Чайзан ехал. Наконец, до стеклянной горы доехал. У подножия стеклянной горы стеклянный дворец увидел. У дворца стояла золотая коновязь высотой до самого неба. К коновязи был привязан белый богатырский конь. Күзеген-Чайзан к стеклянному дворцу подъехал, на встречу ему красавец-богатырь вышел:

– Эзе, Эзе¹⁹, знаменитый богатырь, куда ты путь держишь? Имя свое назови, отцовский род назови, материнский род назови.

Күзеген-Чайзан ответил:

– Я сын старого охотника Ак-Сагала Күзеген-Чайзан, еще не доросший до настоящего богатыря, еще не доросший до настоящего охотника. Я от кровожадных ханов Каан-Кезеры бежал.

Красавец-богатырь Күзеген-Чайзану сказал:

– Мой дворец всегда убежищем для слабых будет, мой дворец всегда гибелью для кровожадных ханов будет.

Красавец-богатырь коня у Күзеген-Чайзана взял, к золотой коновязи его привязал, затем Күзеген-Чайзана за руку взял, в стеклянный дворец повел.

Внутри дворца за золотым столом красавица Ак-Көжеге сидела, перед ней лучшие кушанья стояли, лучшая арака стояла. Красавица Ак-Көжеге брата узнала, на шею ему бросилась, долго они плакали вместе; затем Ак-Көжеге рассказал, как ее Ак-Кан спас.

Ак-Кан и Ак-Көжеге в сороковой комнате Күзеген-Чайзана на сорок дней спать уложили, чтобы богатырские силы во время сна к нему прибыли, чтобы он настоящим богатырем стал. Сорок дней Күзеген-Чайзан проспал и проснулся настоящим богатырем.

Однажды Ак-Кан, жена его Ак-Көжеге и Күзеген-Чайзан за золотой стол сели, лучшие кушанья есть стали, лучшую араку пить стали. Сидя за столом Ак-Кан сказал: (Л. 205)

– Стонут люди под властью кровожадных ханов братьев Каан-Кезеры. Жестокие ханы каждый день убивают невинных людей, жестокие ханы каждый день бьют бичами ни в чем неповинное море. Всюду лишь стон и народное горе.

Прекрасные глаза Күзеген-Чайзана кровью налились, как тайга²⁰, Күзеген-Чайзан нахмурился, как море, взволновался.

– Я должен теперь за отца отомстить, я должен жестоких братьев Каан-Кезеры уничтожить. Я должен вернуть прекрасное солнце моей родине, стране гор.

Так Күзеген-Чайзан Ак-Кану сказал.

Ак-Кан, могучий богатырь, Күзеген-Чайзану сказал:

– Я давно хотел расправиться с этими кровожадными ханами, но я был один, а теперь нас двое. Я помогу тебе уничтожить жестоких ханов, я помогу тебе освободить народ от их власти. Пусть народ свободно и счастливо живет, пусть прекрасное солнце ярко народу светит.

Күзеген-Чайзан от радости Ак-Кана обнял.

Богатыри в дорогу стали собираться. Железные доспехи на себя надели, как коршуны, на быстрых коней взлетели, как летучие мыши, к гривам коня приникли, и, как ветер, к хрустальному дворцу помчались. Когда богатыри к хрустальному дворцу подъезжали, то слуги ханов пытались богатырей схватить. Ак-Кан и Күзеген-Чайзан слуг в разные стороны разбросали, с коней сошли, в хрустальный дворец вошли.

Внутри хрустального дворца за золотым столом кровожадные ханы сидели, лучшие кушанья ели, лучшую араку пили. Увидя [так в оригинале. Д.Ф.] вошедших богатырей, Каан-Кезеры хотели свои боевые бичи схватить, но не успели и в руки к могучим богатырям попали. Ак-Кан схватил старшего брата Каан-Кезеры, Күзеген-Чайзан схватил младшего брата Каан-Кезеры. Жестоким обычаем стали бороться, жестоким обычаем стали сражаться. Смотреть на борьбу богатырей с кровожадными ханами весь народ сошелся, все птицы слетелись, все стада сбежались.

Много ли, мало ли богатыри с ханами боролись. Хань уста- (Л. 206) вать стали, силу терять стали, меньше за богатырей держались, больше за землю хватались. Наконец, Күзеген-Чайзан младшего хана переборол, на острые скалы бросил. От младшего Каан-Кезеры ничего не осталось: ни мяса на съедение сорокам, ни костей на съедение собакам. В это время Ак-Кан старшего хана от земли оторвал, до синих облаков поднял и на землю так сильно бросил, что он на девять саженей под землю ушел.

Гибели кровожадных братьев Каан-Кезеры был рад народ, были рады звери, птицы радостные песни пели, солнце яркие лучи на землю посылало. Вся природа ликовала.

Богатырь Күзеген-Чайзан всех жен и дочь старшего хана отпустил.

Весь скот, все богатство ханов Күзеген-Чайзан народу отдал, ничего себе не взял. Уезжая, собравшемуся народу богатырь Күзеген-Чайзан сказал:

– Поровну все богатство ханов между собой разделите, по своим стойбищам идите, мирно и счастливо живите.

Попрошавшись с Ак-Каном, Күзеген-Чайзан поехал разыскивать свою мать.

Говорят, что Күзеген-Чайзан мать отыскал.

Говорят, что Күзеген-Чайзан на красивой девушке женился.

Говорят, что Күзеген-Чайзан богатый той справил.

Говорят, что Күзеген-Чайзан с женой счастливо жили.

Жаль, что они до наших дней не дожили.

Я бы, старый кайчи, глядя на них, радовался.

(Л. 207) Примечания к героической поэме

“КУЗЕГЕН-ЧАЙЗАН”

Сказитель Кусургашев Василий Яковлевич (ему 60 лет), улус (село) Бородино, Мысковского района, Кемеровской области. Запись шорского текста и подстрочный перевод Кусургашева П.А. Шорский текст записан 2 февраля 1948 года.

Литературная обработка Благовещенской О.И.

Кузеген-Чайзан – народный герой, борец за справедливость, свободу и счастье народа против ханского гнета и насилия.

¹ Кузеген-Чайзан – Кузеген непереводамо, Чайзан – пастух, слуга, старое значение – красивый (сл. Вербицкого). [Правильно *Күзеген*; “у умляют” в этом имени появляется в машинописном тексте лишь начиная с 201 листа; слово *күзеген*, “зеркало”, известно в шорском языке. Чайзан / зайсан (монг.) удельный князь; в шорском эпосе – слуга хана, управляющий всем хозяйством, распорядитель на свадебном пиру; также употребляется во мн.ч. для обозначения слуг хана в целом. Под “сл. Вербицкого” понимается (Словарь 1884)].

² “Когда вода ковшами делилась,

Когда земля лопатой делилась”.

Можно предположить, что у древних шорцев было материалистическое представление о сотворении мира: творец мира очеловечен, он при сотворении мира пользуется человеческими орудиями: ковшом и лопатой. [Трудно сказать, на чем основан комментарий О.И. Благовещенской в отношении “очеловечивания творца мира” применительно к зачинам шорского эпоса. То, что в текстах говорится о делящихся и создающихся воде, земле и горах, еще не означает, что в этом процессе был задействован некий актер.]

³ Бело-зеркальное море. В шорском эпосе часто употребляется слово – море (Талай). Причем море бывает черное, белое, шелковое, бело-зеркальное. По своей отдаленности от морей древние шорцы не могли иметь понятий о море. По-видимому, древние шорцы морем называли большую реку, так как в языке шорцев есть такие слова: айры (средняя река), айрычах небольшая речушка, коль – озеро, чулат (вообще река) су-суг вода. [Последняя мысль явно нелогична: из наличия в шорском языке таких слов как *айры*, *айрычақ*, *көл*, *чулат* и *суг* отнюдь не следует, что словом *talay* “древние шорцы” называли большую реку. Слово *talay* в значении ‘море’ хорошо известно в тюркских языках.]

Море-река – понятие однозначнее, а потому в шорском фольклоре море имеет и устье и верховье. [“Текущее море”, *аққан talay*, действительно, является неотъемлемым образом героического эпоса тюрков Горной Шории, Северного Алтая и Саян, в чем, скорее всего, проявляется элемент приспособления неизвестной или забытой лексики эпоса к реалиям горно-таежного ландшафта современных мест обитания.]

⁴ Албан – дань, которую народ платил своему хану, а последний платил дань более могущественному хану. Такое взимание дани свидетельствует о феодальных отношениях, которые были в древние времена у шорцев.

Шорцы до присоединения их к русскому государству платили албан (дань) киргизским князьям, джунгарским ханам и монгольскому Алтын-хану. Албан шорцы платили пушни-

ной, же- (Л. 208) лезными изделиями и даже ячменем. После присоединения к русскому государству шорцы платили дань (ясак) русскому царю пушшиной. [Факт многоданичества таежного населения бассейна верхней Томи хорошо прослеживается по историческим источникам XVII в., однако в целом дань с этих групп собиралась, по крайней мере, на начало XVII в., лишь обскими телеутами, позднее подчинившимися Джунгарии, и енисейскими кыргызами, которые сами уже с конца XVI в. входили на правах данников в состав государства Алтын-ханов.]

⁵ Каан-Кезеры. Отрицательные образы в шорском эпосе. Это жестокие ханы, собирающие с народа непосильный албан и убивающие невинных людей.

Каан-Кезер – жестокий хан. Каан – хан, Кезер – жестокий.

[В рассматриваемой архивной рукописи О.И. Благовещенской, помимо публикуемого текста “Күзеген-Чайзан”, отрицательные персонажи, старший и младший братья Каан-Кезеры встречаются также в эпосе “Кара-Каан”, сюжет которого кратко был изложен в нашей статье. Отрицательные персонажи “девять Тонг-Кезеров”, *тогус Тон-Кезер(лер)*, встречаются, например, в сказаниях В.Е. Таннагашева “Ачазы кул’атпа тунмазы кул’ат” и “Ат кезиги Өктемеш сар’аттыг эр кезиги Өктемеш-Мөкө” (архив автора).

В шорском эпосе встречаются два сходных имени: это не только Ка(а)н-Кезер / чаще во мн.ч. Ка(а)н-Кезерлер, но и Каан-Кес. Н.П. Дыренкова, впервые опубликовавшая сказание “Каан-Кес” (Шорский фольклор 1940: 24–71), оставила это имя без комментариев. Известный знаток шорского фольклора, сказитель С.С. Торбоков понимал оба имени примерно одинаково: Кан-Кес как “хана-режь” (АГЛМ. Л. 1), а Кан-Кезер как “хана режашый” (Архив ХакНИИЯЛИ. Л. 170). Как отглагольное существительное “рубака” (от глг. *кес*- “резать”, “рубить”), или “кровавый рубака” понимал имя Кан-Кезер и шорский сказитель В.Е. Таннагашев (письмо сказителя от 21.02.2004 г.).

Если в сказаниях Таннагашева и, как сейчас видно, в двух текстах из рукописи Благовещенской были известны отрицательные персонажи с собирательным именем Кан-Кезерлер или Тон-Кезерлер, что позволяло сомневаться в возможности выделения этого имени в разряд эпических имен собственных (Funk 2006: 41–42), то Торбоковские самозаписи однозначно свидетельствуют о том, что имя Хан-Кезер является таковым. Впрочем, имя Кан-Кезер было известно и В.Е. Таннагашеву (устное сообщение, 2006 г.), но в сказаниях, записанных мною от него, оно не попадалось.

Вполне логичной выглядит постановка вопросов о правомерности предлагавшихся сказителями и О.И. Благовещенской (кезер – “жестокий”) этимологий и о возможности видеть в этом имени имя Гесер-Хана – героя тибетского, монгольского и бурятского героического эпоса.

Применительно к шорскому эпосу впервые по этому поводу высказался недавно немецкий тюрколог М. Эрдаль. По мнению этого исследователя, народная тюркская этимология данного имени (“рубака”) представляет вариант самостоятельного развития, а имя же шорского “известного мифического героя” Кезер дает возможность видеть в нем “центрального и наиболее известного персонажа монгольского фольклора и мифологии, и [Гесер Хан] обладает качествами, сходными с той фигурой, что описана в шорском эпосе” (Erdal, Nevskaya 2006: ix; авторов у ввдной к сборнику статьи два, однако сходный по смыслу редакторский комментарий к статье А.В. Есиповой и Л.Н. Арбачаковой, опубликованной в том же сборнике статей, и подписанный М. Erdal, четко указывает на авторство данного пассажа во введении).

Не буду останавливаться на комментировании неточности типа “известного мифического героя” (в шорской мифологии пока еще никому не удавалось обнаружить персонаж с именем Кезер), или же очевидной натяжки вроде “сходных качеств”. Важнее сказать о другом. Эпическое имя Кезер, действительно, является тюркской огласовкой монгольского Гесер. Но надо ли в каждом случае, когда мы встречаем в тюркском героическом эпосе персонажа с таким именем, возводить его к имени монгольского Гесер-Хана? В случае с тувинскими версиями сказаний о Гесере (Кулар 1961: 188–195; Ачтыг Кезер-Мерген 1995) мы, очевидно, имеем дело с непосредственным влиянием монгольской эпической (как устной, так и письменной) традиции на тувинскую культуру и потому здесь выявление “сходных качеств” у главных героев выглядит абсолютно логичным. Следы западномонгольского влияния, порой даже на уровне имен персонажей, хорошо прослеживаются и в некоторых ранних записях героического эпоса и даже в легендах у южных алтайцев (Неклюдов 1983: 253–261).

В случае же с эпической традицией шорцев такого рода сопоставления пока не представляются мне убедительными. И не только потому, что в шорском героическом эпосе до сих пор

не было отмечено самостоятельное сказание о положительном могучем герое Хан-Кезере, посланном с небес на землю для борьбы со злом. При том, что в шорском эпосе мне известны сказания, где небожители сбрасывают с небес для земной жизни особые чудесные яйца, из которых рождаются уникальные кони, люди и даже кони-люди (оборотни), сама идея ниспослания божествами на землю какого бы то ни было богатыря именно для борьбы со “злом” (“зло” как четко выраженная категория морали), в принципе, чужда этим эпическим сказаниям. Важным обстоятельством является и то, что среди Кезеров в шорских эпических сказаниях наиболее распространены – насколько пока представляется возможным судить – образы злых подземных или же просто отрицательных персонажей, братьев Тоң-Кезеров или Хан-Кезеров. И даже Хан-Кезер у Торбокова, при всей положительности этого второстепенного образа, слишком уж ощутимо связан с персонажами подземного мира.

Совпадение или даже явное историческое единство имен – Гесер-Кезер-Кесарь-Цезарь – еще не повод для суждений о функциональном сходстве одноименных эпических персонажей. Если даже предположить, что появление персонажа с именем Кезер в шорском эпосе как-то связано с монгольским влиянием (что доказать практически невозможно), то в любом случае очевидно, что осмысление сути имени, исходя из норм шорского языка (от глаг. *кес-*), привело к наделению эпического персонажа отрицательными чертами. (В скобках попутно отмечу, что такая логика, в принципе, вполне возможна: можно обратиться, скажем, к образу Гесера у исламского населения западной части этнического Тибета, в эпосе и представлениях которого этот герой – глава буддистов – является “антихристом ислама” (*Sagaster* 1983: 341–348).

Любопытно, что и в хакасской эпической традиции в случае с *кезерами* мы имеем ровно ту же картину, что и в шорском эпосе: “Кизер – богатырь подземного царства (в сказках [под “сказками” очевидно понимается “героический эпос”. – Д.Ф.] их бывает семь или девять братьев)” (*Бутанаев* 1999: 41).

Думается, что формирование образа Кезера в хакасской и шорской эпической традициях происходило в соответствии с тюркским толкованием имени и не испытывало влияния центрально-азиатского эпоса.]

⁶ Ак-Сагал – Белая Борода. Ак – белая, Сагал – борода.

⁷ Ак-Көжге. Белая Штора. Ак – белая, Көжге – штора. [Эта строка заключена в квадратные скобки; скобки вписаны от руки простым карандашом. Перевод слова *көжге* можно уточнить: это, естественно, и “штора”, и “занавеска”, но оба этих значения явно более поздние по сравнению с “полог”; пологом отделялось спальное место от остального жилого пространства дома.]

Ак-Куу. Белая Лебедь. Ак – белая, Куу – лебедь. [Имени Ак-Куу в этом сказании нет.]

⁸ Юрта – переносное жилище, обычно конусообразной формы. [Здесь нет необходимости обсуждать конструктивные особенности шорских срубных сооружений, именованных *чурт*, поскольку в шорском эпосе юрта как жилище, насколько позволяют судить оригинальные шорские тексты, не упоминается. Термин *чурт* используется в эпосе в значении “поселение”. Соответственно, все словосочетания в публикуемом тексте типа “перед родной юртой сидела”, “к юрте подъехали” и т.п., либо основаны на неверной трактовке данного термина, либо являются результатом осознанного введения в перевод понятий-реалий, не свойственных шорским эпическим текстам.]

⁹ Ак-Көзнек. Белое Окно. Ак – белое, Көзнек – окно [көзнек<көзүнек].

¹⁰ Ак-Салгын. Белый Ветер. Ак – белый, Салгын – ветер.

¹¹ “У козы своя шерсть есть, человеческое дитя имя должно иметь”. Характерная поговорка шорцев не только в эпосе, но и в современной речи шорцев. Здесь говорится о получении имени будущим богатырем.

¹² “Мальчик чашу с айраном взял, в зеленую долину побежал”.

Это выражение часто встречается в шорском эпосе. Здесь говорится о своеобразном получении богатырем имени. Мальчик с чашей, наполненной айраном (айран – напиток из квашеного молока), выходил в долину и ждал первого встречного, обычно старика, который и давал будущему богатырю имя. В шорском фольклоре имя будущему богатырю дают духи гор, вод, лесов. После наречения имени мифические старички исчезают, как растаявшая снежинка, или же обращаются в паука и по паутинке поднимаются на небо. [Здесь следует уточнить два момента. Во-первых, “духи гор, вод, лесов”, насколько можно судить по всему корпусу шорских эпических текстов, не только не дают имен героям эпоса, но и в целом практически не упоминаются в эпических богатырских сказаниях. Имя герою или героине нарекает, как правило (но не всегда), небесный создатель, выходящий к ребенку в облике старика или старухи. Во-вторых, персонажи, нарекающие имя ребенку, чаще всего либо просто исчезают, либо герой все же успевает заметить их в небесах, куда они улетают, вытягиваясь белой шелковой нитью. Образ паука,

поднимающегося в небо по паутинке, мне ранее не встречался.]

¹³ Кайчи – сказитель, певец [см. примеч. 2 к статье].

¹⁴ “На выдолбленной лодке”. Это выражение имеет бытовое значение: древние шорцы лодку (кебе) делали из осинового обрубка, длиной около 3-х метров. Обрубок долбили. [Долбленные лодки встречались у шорцев в долине р. Мрас еще в 1980-х годах.]. (Л. 209)

¹⁵ Ак-Кан. Белая Кровь. Ак – белая, Кан – кровь. [В шорском языке долгота гласного [а] в слове *қаан* “хан”, в том числе и в речи сказителей, практически отсутствует, что порой – в связи с наличием омонима *қан* “кровь” – вызывает сложности при этимологизации собственных имен с формантом *қан*. В данном случае трактовка собственного имени “Ак-Кан” как “Белый/Священный Хан” не представляет особых сложностей.]

¹⁶ Байга – конские состязания, борьба. [*Байга* являлась по сути обозначением всего свадебного обряда шорцев. Известны три различных обряда-байга – малая, табачная и мясная байга. На малой байге проводился обряд мирения, *чарыш*, мясной же байгой – она проводилась через год после малой – завершался свадебный обряд.]

¹⁷ “Как коршун, на коня вскочил”. Это выражение часто встречается в шорском эпосе и означает быстроту, с какой богатырь садится на своего коня. [В известных мне текстах шорского героического эпоса на шорском языке эта формула не встречается.]

¹⁸ “Как летучая мышь, к гриве коня приник”.

В шорском эпосе это выражение часто встречается. Оно означает слитность седока с конем при быстром беге коня. [Следует уточнить формулу, которая, действительно, входит в основной формульный набор у многих шорских сказителей: “К коню, как летучая мышь, прильнул”.]

¹⁹ “Эзе, эзе”. Приветствие. Здравствуйте. [Вслед за приветствием в тексте идет фраза “Имя свое назови, отцовский род назови, материнский род назови”, маловероятная как для шорского героического эпоса, так и в целом неприемлемая для культуры тюрков Саяно-Алтая, где принадлежность к роду определялась почти исключительно по отцовской линии. В формулу осведомления эпического героя об имени повстречавшегося ему неизвестного богатыря обязательно входит сложный термин *ады-шолац* “твое имя-прозвище” либо *ады-төлүң* “твое имя-поколение” (в современной трактовке “имя-фамилия”). Сам термин “род”, *сөök*, в шорском эпосе, как это заметила еще Н.П. Дыренкова, не известен (с учетом знакомства с большим количеством эпических текстов я бы выразил сейчас эту мысль несколько иначе – почти не встречается) и потому использование его в переводах вряд ли является обоснованным.]

²⁰ Тайга. В шорском языке слово тайга означает не лес, а гору, даже вершину горы. [Двадцатая сноска в тексте пропущена, хотя само примечание № 20 было сделано. *Тайга* в шорском языке означает высокую гору-голец].

Источники и литература

- АГЛМ – Архив Государственного Литературного музея. Колл. С.С. Торбокова, Инв. № 373. Ед. хр. 2 («Героическая поэма шорского народа “Кан-Кес”»), Л. 1; Инв. № 419. Ед. хр. 8. Л. 199.
- АИА – Архив Института алтаистики им. С.С. Суразакова. Фольклорные материалы. Папка № 55, 55е. Л. 1об., 100об., 101.
- Архив ХакНИИЯЛИ – Архив Хакасского Научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Т. 59. № 587 («Героическая поэма шорского народа “Канань чабыс Кан перген”»), Л. 170.
- Ай-Толай 1948 – Ай-Толай. Народные героические поэмы и сказки Горной Шории. Пер. с шорского, вступ. ст., примеч. Александра Смердова; под ред. А.Л. Коптелова. Новосибирск: ОГИЗ, 1948.
- Арбачакова 1996 – Арбачакова Л.Н. О некоторых проблемах современной эпической традиции в Горной Шории // Подготовка современного специалиста в соответствии с государственным образовательным стандартом. Матер. работы науч.-практ. конф. Ч. 8: Тюркология. Новокузнецк, 1996. С 70–73.
- Ачыты Кезер-Мерген 1995 – Он чуктун ээзи, он хораннын ундусун ускен ачыты Кезер-Мерген дугайында тоожу (Сказание о благородном Кезер-Мергене, владыке десяти стран света, победителе темных сил). Кызыл, 1995 (на тув. яз.).
- Благовещенская 1952 – Благовещенская О.И. Устное творчество шорского народа // Запоризьский Державний педагогичний і учительський інститут: Наукові записки. Т. 3. Київ, 1952. С. 31–49.

- Бутанаев* 1999 – *Бутанаев В.Я.* Хакасско-русский историко-этнографический словарь (Хоорай-орыс тархын этнография сөстiгi). Абакан, 1999.
- Девять бубнов... 1989 – Девять бубнов шаман. Шорские легенды и предания / Предисл., сост. и коммент. А.И. Чудоякова. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1989.
- Дыренкова* 1940 – *Дыренкова Н.П.* Вступление // Шорский фольклор / Записи, пер., вступ. ст. и примеч. Н.П. Дыренковой. М.; Л., Изд.-во АН СССР, 1940.
- Куулар* 1961 – *Куулар Д.С.* Бытование “Гэсэра” в Туве // Уч. зап. Тувинского науч.-исслед. ин-та языка и литературы. Вып. IX. Кызыл, 1961. С. 188–195.
- Неклюдов* 1983 – *Неклюдов С.Ю.* Тюркские сюжеты о Гесере и их отношение к монгольским версиям // Documenta Barbarorum. Festschrift für Walther Heissig zum 70. Geburtstag. Wiesbaden, 1983. S. 253–261.
- Словарь 1884 – Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / Сост. протоиерей В. Вербицкий. Казань, 1884.
- Слово о Торбокове 2008 – Слово о Торбокове / Сост. Н.В. Рожнова. Осинники, 2008.
- Телеутский фольклор 2004 – Телеутский фольклор / Сост., вступ. ст., запись, пер. на рус. и коммент. Д.А. Функа. М.: Наука, 2004.
- ТОС – *Рюмина-Сыркашева Л.Т., Кучигашева Н.А.* Телеут-орус сөзлик. Телеутско-русский словарь. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1995.
- Тюхтенов* 1967 – *Тюхтенов Т.С.* Автобиография сказителя-поэта Торбокова Степана Семеновича // АИА. Фольклорные материалы. Папка 72. № 9. Л. 1–3.
- Функ* 1984 – *Функ Д.А.* Проблема происхождения шорского героического эпоса. Дипломная работа. Кемерово, 1984.
- Функ* 2005 – *Функ Д.А.* Миры шаманов и сказителей (комплексное исследование телеутских и шорских материалов). М.: Наука, 2005.
- Функ* 2010 – *Функ Д.А.* Шорский сказитель С.С. Торбоков и его рукописное наследие // Шорский героический эпос. / Сост., подготовка к изданию, вступит. ст., пер. на рус., примеч. и коммент. Д.А. Функа. М.: Наука, 2010.
- Шорский фольклор 1940 – Шорский фольклор / Записи, пер., вступ. ст. и примеч. Н.П. Дыренковой. М.; Л., Изд.-во АН СССР, 1940.
- Erdal, Nevskaya* 2006 – *Erdal M., Nevskaya* Introduction // Exploring the Eastern frontiers of Turkic / Eds. M. Erdal, I. Nevskaya. Wiesbaden: Harrassowitz, 2006. S. VII–XIV.
- Esipova, Arbačakova* 2006 – *Esipova A., Arbačakova L.* Archaic vocabulary in Shor heroic epics // Exploring the Eastern... S. 19–40.
- Funk* 2006 – *Funk D.* Anthroponymic patterns in traditional social culture and in epic texts // Exploring the Eastern... S. 41–57.
- Sagaster* 1983 – *Sagaster K.* Kesar, der islamische Antichrist // Documenta Barbarorum... S. 341–348.

D.A. Funk. A New Archival Source for Studying the Shors Culture of the Mid-Twentieth Century

Keywords: The Shors, folklore records of the late 1940s, archival research

A type-written copy of the manuscript of a collection on the “Shors Folklore”, which was prepared by Olga Blagoveshchenskaya in 1951 but never published, has been discovered at the archives of the State Literary Museum in Moscow in 2007. This article examines and discusses the structure and content of the manuscript, as well as the history of Russian-language records that it contained. The author subjects to scrutiny the principles employed in the preparation of records and texts that had been selected for publication by Blagoveshchenskaya, and undertakes a juxtaposition of a number of the texts with Shors originals available at other Russian archives. He further draws on published works on the Shors folklore and ethnography for comparison purposes. The article is supplemented with a sample epic text from the “Shors Folklore” collection